

у М. Бельского и А. Гваньини пустынный заранее отказывается от коня; 5) Иван перед смертью «приемь хартию и чернила, и написа им, поведая себя сына короля карвацкого»; в остальных случаях рукопись находят после его кончины.

В легенде отсутствуют также некоторые частности, которые читаются у М. Бельского или А. Гваньини: не говорится о том, что Ивана встретил Борживой с женою, нет имени Гестимулус. Указанные отличия и некий «языковой архаизм» и послужили основанием для зачисления легенды в разряд старославянских памятников.

Мы решительно присоединяемся к мнению скептиков — ведь само удивительное сходство содержания у М. Бельского и А. Гваньини с самостоятельными списками легенды служит лучшим доказательством их родства (напомним, что текст М. Бельского составлен в XVI столетии). С другой стороны, известные латинские и чешские версии очень сильно отличаются от русского рассказа. Если прибавить к тому же, что древность возникновения легенды о пустынноике Иване вообще весьма сомнительна (еще Йозеф Добровский скептически высказывался по этому вопросу), то станет ясным, что нет никаких решительно серьезных аргументов, которые позволяли бы считать русские тексты XVII в. поздними списками старославянского памятника чешского извода.

Следует подчеркнуть, что и утверждения о языковом архаизме легенды нельзя признать обоснованными. В тексте ее нет специфически древних фонетических, морфологических, лексических или синтаксических особенностей. «Карвацкий», возводимый Й. Вашицей к «Корвейской» — названию саксонского монастыря, откуда Иван будто бы пришел в Чехию, есть не что иное, как буквальная передача польского слова (ср. «Историю о Бохеме»).

Таким образом, если считать русскую легенду переводом XVI или XVII в., то следовало бы, по нашему мнению, продолжать поиски ее непосредственного оригинала. Однако в данном случае можно допустить и такое предположение: небольшие изменения в тексте легенды об Иване Карвацком (если ее источником был М. Бельский или А. Гваньини) появились в результате переписки или же незначительной обработки, произведенной переводчиком. В пользу этого предположения говорят, например, отличия в рассказах об Иване Карвацком в «Истории о Бохеме» и 76-главной Космографии — относительно происхождения и взаимосвязи этих текстов не может быть ни малейших сомнений. В Космографии указывается, что «елень . . . приведе (Борживоя, — А. П.) под едину высокую каменную гору, с которой вода течаше, и оною водою нача псы парить аки варом, сиречь кипячею водою». В «Истории о Бохеме», которая является переводом из того же А. Гваньини, этой детали нет. Возможно, что здесь составитель Космографии использовал текст «Хроники о Чешском королевстве» М. Бельского либо в польском звучании, либо в каком-либо русском переводе.

Соотнося легенду об Иване Карвацком с западнорусским Хронографом, «Историей о Бохеме», 76-главной Космографией, убеждаемся, что в данном случае мы имеем дело с выделением, самостоятельным бытованием одной из новелл, представленных в названных памятниках. Аналогичное явление — отдельное существование рассказа о девичьей войне, который в научной литературе, как нам известно, не зафиксирован и исследование которого еще предстоит.

*

В предлагаемом обзоре изучения чешско-русских литературных отношений XVII столетия мы не стремились исчерпать всю литературу предмета.